

С. В. Никоненко

ГЕНЕЗИС СИМВОЛИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Автор рассматривает генезис современного философского осмысления категории «символ». Доказывается, что эмпирическая, практическая философия прямо влияет на романтическое определение человека как творца символов. Метафизика в условиях романтизма отбрасывает строгий логический язык, переходя на субъективно окрашенный язык метафорических и поэтических описаний. В статье исследуется философия символизма и утверждается несостоятельность идеалистического предположения о всеобщей системе символов. Философия Хайдеггера представляет собой завершение романтического символизма на Западе. Для современной философии характерен подход реалистического символизма (Уайтхед, Патнэм, Анкерсмит): символ трактуется как форма образности идеи, имеющая значимость исключительно для человека. В статье развивается метафорическая трактовка символа, согласно которой значение символа не может быть точно определено и является открытой структурой. При анализе символа неприменимы методы исследования понятий. Чем значимее символ, тем сложнее его точно определить.

Ключевые слова: философия, символ, эпистемология, язык, метафора, реализм.

S. V. Nikonenko

THE ORIGIN OF SYMBOLICAL ANALYSIS

The matter of the article is to consider symbolical philosophy, especially symbolical realism. The Philosophy of empiricism influenced the romantic view on symbolic character of language. Heidegger's view of ancient thought is the end of romantic symbolism. Contemporary study of symbols is realistic (Whitehead, Putnam, Ankersmit). There is no general symbolical language. Symbol is a picture of an idea. It is like word and image; it does not have a strict meaning. The meaning of symbols is a metaphorical one. It is impossible to apply the analysis of concepts like the analysis of symbols. The more general a symbol is, the less it is interpretable in a logical or allegorical manner. There is no universal symbolical system for all mankind.

Keywords: philosophy, symbol, epistemology, language, metaphor, realism.

Людвиг Витгенштейн выдвигает в качестве главной проблемы «Логико-философского трактата» обоснование «точного символизма». Его старший современник Альфред Уайтхед, напротив, полагает, что символизм не может быть точным. Поль Рикёр в свою очередь считает, что символическое не только не точно, но и требует определения иносказательного смысла. Ж. Бодрийяр и Ж. Лакан отстаивают тезис о том, что человек живет в «символическом», которое и есть реальность как его жизни, так и культуры в целом. М. Хайдеггер недвусмысленно указывает на то, что современная эпоха утратила подлинный античный символизм, несмотря на попытку романтиков его возродить. Наконец, Х. Патнэм и Ф. Анкерсмит утверждают, что существует особый «человеческий» реализм, где на первый план выступают символические основания исторической памяти.

Список крупных мыслителей, интересовавшихся проблемой символизма, можно было бы продолжать еще долго. Предметом настоящей статьи является

Никоненко Сергей Витальевич — доктор философских наук, профессор, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; serg_nikonenko@rambler.ru

Nikonenko S.V. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; serg_nikonenko@rambler.ru

эпистемологическое рассмотрение генезиса одной из самых важных проблем современной философии — проблемы символического. Можно допустить, что проблема символов и символического в наши дни становится основной, потеснив даже проблемы сознания и языка. Не вдаваясь в критические разборы, мы хотели бы предложить собственную версию эпистемологии символизма, которая примыкает к ведущим теориям реалистического направления современной аналитической философии.

Родоначальником символической эпистемологии является Дэвид Юм [1]. Он доказывает, что прийти к четким и строгим определениям тех категорий философии, которые Кант позднее назвал «практическими», принципиально невозможно. Таким образом, первая проблема символизма состоит в том, что символ, в отличие от понятия, *не может иметь строгого значения*; он понимается во многом интуитивно, иносказательно и через язык образов и метафор. Юм устанавливает еще одно важное положение: символы не могут быть предметом одной только логики, поскольку выступают ценностями, зависят от социальных, исторических факторов, тяготеют к лингвистической форме и т. д. Фактически в проекте Юма символическое трактуется как радикально эмпирическая модель, во многом альтернативная «официальной» философии, базирующейся на примате логики и метафизики. И в самом деле, Кант в своем обосновании практической философии приходит к учению о логической недоказуемости, регулятивном характере положений некоторых наук — этики, эстетики, истории [2]. У Канта также возникает серьезная «брешь» между теоретическим и практическим знанием, которую он заполняет «способностью суждения». Мы не раз задавались вопросом о том, почему такой строгий, логически ориентированный мыслитель, как Кант, выступает прямым предшественником романтизма. Почему он так повлиял на романтизм, на поэзию, на становление философии истории и прочие предметы, которые Ю. Хабермас справедливо указывает в качестве основных проблем зарождающегося духа «модерна»? Фихте увидел решение этих вопросов в том, что Кант впервые представил человека как целостный субъективный дух, а философию — как философию духа. Фактически Кант если не предложил, то предвидел новые основания познания, знаменующие конец рационализма и веры в разум Просвещения. Поместив рациональное познание в средоточие теоретической науки, Кант не сводит к ней все познание, доказывая, что практический уровень постигается не только через понятия, но и через максимы, ценности, образы, суждения вкуса, а потому требуется *более всеохватывающая всеобщность*, нежели всеобщность, достигаемая в логике.

Если посмотреть на мировоззренческие установки романтизма (как в лице крупных поэтов, так и в лице философствующих его представителей, таких как Шелли или Новалис), то становится очевидным доминирование индивидуалистического подхода. Человек — это уже не *cogito*, не чистый рассудок, а нераздельный сплав мыслей и чувств, осознающий себя дух, ищущий себя не в логике, а в истории, гениальности, практической жизни. Именно поэтому романтический поэт типа Байрона или Пушкина не хочет быть «только поэтом» — он хочет стать деятелем, героем, влиять на судьбы поколения, целой нации и всего мира. Поэтический язык романтизма оказывается языком самосознания субъективности, набором *конкретных символов, которые обязательно переживаются, выступают формой присутствия, а не отвлеченного дидактического поучения* (так, к примеру, судит Хайдеггер о поэтических образах Гёльдерлина). Стремление «стать греками» — это наиболее характерная реа-

лизация шеллингианского учения о всемирном призвании гения, его участия в сфере божественного, определении судеб человечества и даже бытия в целом. Символическое в романтизме — прежде всего субъективное, то, что переживается в своей полноте, но может быть выражено только посредством фигурального языка образов и реализовано только в исторической перспективе человеческой истории. У Новалиса есть афоризм: «Человек — метафора». Так называемый «онтологический поворот» и есть поворот от абстрактного к конкретному, от отвлеченной метафизики к человеческому бытию. Человек — метафора, потому что, центрируя историю и бытие, обладая возвышенным и уникальным историческим опытом, он не имеет простого определения, — а следовательно, все порожденные человеком категориальные схемы практической философии или «гуманитарных наук» также не могут иметь простого определения, строгого и тем более единственно возможного, — определения, свободного от субъективности, временности, требования ясности с точки зрения этой новой субъективности, а не абсолютного «божественного взора».

Русский идеолог символизма Д. Мережковский выдвинул программный тезис: «Всё есть символ». Этот тезис можно хорошо проиллюстрировать строфой из стихотворения А. Блока о Канте, где философ сатирически представлен так:

*Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки.*

Кант изображен замкнутым в отвлеченной рассудочности, не понимающим «бытийственных» основ жизни. Философские теории, примыкающие к символизму, говорят о наличии «символического универсума» культуры (Кассирер), понятности символов только через архетипический язык мифа (Лосев), теургической функции символов как инструментов творения «новой жизни» (Бердяев). Эпоха символизма в искусстве — это и завершение романтизма, романтической веры в то, что символический порядок культуры укоренен в глубинах прасознания, универсален и всеобщ. Символ рассматривается как медиум, идеологическая фигура бытия, способность постичь бытие в его подлинности. В этом смысле философия Хайдеггера выступает завершением романтического мировоззрения на Западе; Хайдеггер связывает античную мифологическую направленность, образность и простоту с романтическим пафосом непосредственного созерцания истины через присутствие внутри подлинности самого бытия.

Однако в этот же период рождаются и первые сомнения. Приведём две теории такого рода, появившиеся приблизительно в одно время. Й. Хейзинг в «Осени Средневековья» отмечает опасность, возникающую, когда символы культуры на определенном этапе перестают удовлетворять духовным запросам и исканиям и начинают «каменеть», как это произошло с символами позднего Средневековья. А. Уайтхед в своих трудах еще более радикально утверждает тезис о необходимости регулярного «обновления» символов, о невозможности существования «прасимволов» или «всеобщих символов» [3]. Уайтхед закладывает основы *реалистического символизма*, согласно которому символы выступают главным идейным продуктом культуры, но при этом не имеют никакого мистического, теургического или теологического подтекста. Символ трактуется как *универсальная форма исторического опыта*, которая способна видоизменяться в зависимости от духовных потребностей человека определенного мировоззрения, определенной эпохи. Символы выступают не только

формами познания и самовыражения, но и формами определённой адаптации человека путем создания особого культурного мира, который и можно назвать собственно «человеческим» миром. *Символы оказываются не особой формой бытия, а особой формой «человечности».* Как отметил И. Берлин, «быть человеком» — это особая категория, это не наличное, а символическое присутствие в особой форме исторического бытия, осознание себя как личности с набором идей и ценностей, ограниченным историческим местом и временем, с определенными идеалами и грезами о вечно прекрасном порядке и вместе с тем — со здоровым ироническим скепсисом относительно возможности его осуществления.

Без сомнения, тезис «всё есть символ» — это красивая метафора, всеобщность которой не имеет под собой никаких оснований. Сама по себе категория «символ» не вбирает в себя, не отменяет таких категорий, как «идея», «образ», «слово» и т. д. «Символическое» можно понимать сегодня не как божественное и вечное, а как реализацию человеческого существа, как форму личного присутствия, попытку интерпретации, индивидуального осмысления в аналитическом и герменевтическом ключе. Символ не обладает определенным местом в какой-либо системе, жестким определением. *Его значение — быть «образностью идеи»,* быть личностным, конкретно-историческим выражением всего, что стремится закоснеть в священности всеобщего. Как отметил Д. Дэвидсон, истина существует за счет интерпретации и интересна прежде всего как оригинальная интерпретация [4]. Стиль и манера художника, язык поэта, система философа интересны и собственной уникальностью авторского подхода, чем-то индивидуальным, особым языковым пространством, неотделимым от целостного строя.

«Логика» символов не может быть строгой. Витгенштейн в своих поздних работах доказал, что даже на лингвистическом уровне символизм слов не обладает строгостью и четкостью логически выверенных терминов. Символы ближе к стихии языка, нежели к эйдетике. Они действуют там, где термины не действуют, а образы слишком расплывчаты и эмпиричны. В противном случае символы бы вымерли и превратились либо в знаки, либо в догматические определения. Значение символа, на наш взгляд, принципиально *метафорично.* Это означает не то, что оно иносказательно или неопределимо, но лишь то, что значение символа не совпадает с его смыслом и потому требует фигуральной лингвистической конструкции для своего определения. Мы можем доказать, что во все культурные эпохи наблюдается определенная закономерность: *чем более значимым является символ, тем он менее рассудочен и аллегоричен, тем меньше о нем можно «сказать» в смысле строгих и точных определений.* Именно таковы символы полотна Ренессанса и поэзии романтизма; именно таковы внутренний мир Мадонны и мировоззрение лирического героя Лермонтова. Мы интуитивно чувствуем глубину, огромность этих миров, их касание глубин истины, но не можем выразить это — тут «ломается» логически выверенный язык. Однако (и в непонимании этого кроется ошибка многих интеллектуалов начиная с Хайдеггера) символические миры имеют лишь косвенное отношение к истине [5]. Они — лишь *интерпретации,* личностные прочтения, и потому способны только подтолкнуть к познанию истины.

Через символы истина именно переживается, становится практически значимой, но это не говорит нам о том, что истина достигнута. Символический догматизм — это гибель символов, остановка живого присутствия в глубине истины. *Сим-*

волы — это трансцендентальная иллюзия культуры. Они всегда будут отличаться неполной определенностью, отсутствием постоянного места в языке и эпистемологической нестрогостью. Они обладают не-до-конца-определенным значением. Символы — это иллюзия совершенного порядка, которого нет, поскольку человек не обладает таким качеством, как «совершенство».

Литература

1. Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. 678 с.
2. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1991. 423 с.
3. Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. 92 с.
4. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практика, 2004. 453 с.
5. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 41–62.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2014 г.